

**УДК 94(477.75)«19»**

**ФЕОДОСИЙСКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК  
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КАЗНАЧЕЕВ:  
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Бобков В. В.**

*Таврический гуманитарно-экологический институт, Симферополь  
E-mail: v-bobkov@mail.ru*

В данной публикации на основе репрезентативного корпуса источников воссоздан фрагмент исторического портрета выдающегося крымского администратора, чиновника А. И. Казначеева, относящийся к его деятельности на посту феодосийского градоначальника. Определен его вклад в благоустройство города, развитие городского хозяйства, системы образования.

**Ключевые слова:** А. И. Казначеев, М. С. Воронцов, градоначальник, Феодосийское градоначальство, таврический губернатор.

На современном этапе в крымской исторической науке продолжает ощущаться устойчивый интерес к биографическим изысканиям. Этот процесс следует считать вполне логичным. До сих пор исследователи пытаются компенсировать недостаточное внимание к роли отдельных личностей в истории, наблюдавшееся в советской историографии. Лишь за последние годы свет увидели многочисленные публикации, раскрывающие новые грани деятельности крымских ученых, общественных, государственных деятелей, людей искусства. При этом приходится констатировать, что обилие научных и любительских разработок практически не приводит к расширению списка изучаемых персоналий, а, главное, кардинально не расширяет источниковую базу крымских региональных биографических исследований. Налицо определенный перекос интереса в сторону изучения жизненного и творческого пути представителей крымской интеллигенции. Тогда как чиновный мир практически выпадает из поля зрения специалистов. Подобные недостатки видятся вполне существенными, так как они приводят к «обмельчанию» исследований, увеличению доли компилятивных изысканий, а также к искажению социальной исторической среды, которая оказывается наполненной исключительно учеными, деятелями искусства, культуры. При этом чиновная история Крыма не менее богата на образы успешных администраторов прошлого. Особое место в числе выдающихся управленцев прошлого, несомненно, занимает личность таврического губернатора, феодосийского градоначальника, а впоследствии одесского градоначальника и сенатора Александра Ивановича Казначеева (07.11.1788 – 20.06. 1880).

Исходя из этого, **цель** данной исторической разработки состоит в рассмотрении основных вех административной деятельности А. И. Казначеева на посту феодосийского градоначальника.

Личность А. И. Казначеева давно заинтересовала исследователей, что и не удивительно: находясь на главных административных постах в Таврической губернии в течении 9 лет (1828–1837), он внес неоценимый вклад в развитие транспортной инфраструктуры полуострова, становление крымской экономики, образования, культуры. Его деятельность в целом способствовала поднятию авторитета губернской администрации. Исторический портрет таврического губернатора писали, как досоветские историки, так и современные исследователи. Однако первыми о необходимости перехода от биографических очерков к более детальному изучению административной деятельности А. И. Казначеева в своей публикации заявили крымские ученые А. А. Непомнящий и В. Ф. Шарапа [1]. На необходимость широкого использования эпистолярного наследия администратора указывал московский историк А. К. Афанасьев [2]. При этом все публикации, посвященные личности А. И. Казначеева, носили обзорный характер. В них не конкретизировались его достижения на ниве благоустройства Новороссийского края, детально не рассматривался личный вклад в развитие инфраструктуры крупнейших городов региона, недостаточно анализировались рабочие и дружественные связи. Тогда как именно совокупность этих знаний позволит нам лучше узнать личность администратора, результаты деяний которого до сих пор являются украшением не только Крымского полуострова, но и всего Юга Украины.

Александр Иванович Казначеев родился 7 ноября 1788 года в Рязанской губернии в небогатой дворянской семье. Впоследствии он отмечал, что «происходит от древних дворян предков своих, кои будучи в государственных чинах, от Царей и Великих князей Михаила Федоровича, Иоанна и Петра Алексеевичей, жалованы за службу различными вотчинами и землями; в том числе землю в Рязанской губернии при деревне Козловке» [3, л. 81]. Он получил хорошее домашнее образование, а затем продолжил обучение в Рязанской гимназии.

Служебную деятельность Александр Иванович начал в феврале 1807 г., когда был определен на службу в канцелярию попечителя Санкт-Петербургского учебного округа [3, л. 3]. В 1809 г. А. И. Казначеев был переведен в Комиссию по составлению законов [3, л. 4]. В период работы в ней молодой чиновник познакомился со своим ровесником выпускником Казанского университета, в будущем известным русским писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым (1791–1859), с которым Александра Ивановича с тех пор связывали крепкие дружеские отношения [4, с. 162–163].

В 1812 г. А. И. Казначеева ожидал новый служебный перевод в Департамент государственных имуществ. Однако полностью освоиться на этом месте ему не удалось – разразилась Отечественная война 1812 года. Сформировавшийся в славянофильской среде, движимый патриотическими настроениями уже 1 июля 1812 г. А. И. Казначеев вступил в Санкт-Петербургское ополчение [3, л. 4]. На его долю выпало участие в крупнейших сражениях 1812 – 1814 гг., служба в экспедиционном корпусе в 1813 – 1819 гг. В частности, по этому поводу в формулярном списке чиновника было записано: «В походах против неприятеля и в самых сражениях был: 1812, начиная с августа при отступлении наших войск и потом при преследовании нами французских войск в Герцогстве Варшавском, Германии и Франции. Был в

действующих сражениях: 1812, августа 26 под Бородиным, октября 6-го под Тарутиным. 1813, августа 14 при осаде города Дрездена, октября 1-го при Борне. В авангардном деле 4, 5, 6 и 7 числа под Лейпцигом. 1814, января 2-го под городом Брин Лешато. В 1814 г. из под Ар Сюр он был послан с отрядом казаков для открытия сообщения с прусским фельдмаршалом Блюхером, чего и достиг; находился во втором походе во Франции до города Парижа; был на Высочайшем смотру под г. Верто 30 и 31 августа. 1815, с 1815 по 6 ноября 1818 года состоял во Франции в отдельном корпусе под командою генерал-адъютанта графа Воронцова<...>» [3, л. 2–4].

В июле 1823 г. А. И. Казначеев вернулся в гражданское ведомство и был определен на должность правителя канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова [3, л. 9]. В этом назначении не последнюю роль сыграла совместная служба Александра Ивановича с новым Новороссийским генерал-губернатором в период наполеоновских войн. С 1823 г. на долгие десятилетия князь М. С. Воронцов стал для А. И. Казначеева начальником, наставником и товарищем. В их взаимоотношениях были различные периоды; не обходилось и без конфликтов. Однако главным чувством, вокруг которого строилась совместная работа, оставалось уважение.

В январе 1828 г. произошел знаковый служебный перевод – А. И. Казначеев был назначен на должность Феодосийского градоначальника. Переезду Казначеева в Крым предшествовал незначительный конфликт с Новороссийским генерал-губернатором, а потому назначение 1828 г. следует рассматривать как определенное понижение в статусе (отдаление от центра), хотя оно и сулило большую самостоятельность в принятии решений.

Деятельность А. И. Казначеева на посту феодосийского градоначальника можно условно разделить на два этапа (первый – 1828–1829 гг.; второй – 1829–1837 гг.). Фактически в этой должности он находился лишь год. Уже весной 1829 г., сначала в частном послании в марте, а затем в официальном письме от 17 мая генерал-губернатор М. С. Воронцов уведомил А. И. Казначеева о назначении его на пост таврического гражданского губернатора с сохранением обязанностей по Феодосии [5, с. 245–246]. Эта перспектива шла в разрез с планами феодосийского градоначальника, а потому в своем ответе А. И. Казначеев не сдерживал эмоций: «Самое представление о перемещении меня без сношения со мной, не могу я иначе принять как знаком вашей ко мне доверенности, которую в продолжение 8-ми летней службы моей под лестным начальством вашим я постоянно старался заслуживать<...> Не я, но стечение обстоятельств было причиною, конечно кратко-временною, изменения вашего ко мне благорасположения – чувствования мои к вам остались неизменны» [6, л. 1]. Свое нежелание следовать указаниям начальника он мотивировал следующим образом: «я никогда не считал и не считаю Градоначальнического места ниже Губернаторского, которое, исключая времен Екатерины Великой, по несчастью в России досель еще без должного веса, без способов и едва только не бесполезно, тогда как Градоначальническое по крайней мере дает средства и жить безбедно, и служить, и приобретать надежных подчиненных и быть полезным. Лучше принести каплю меду в соты общего добра, нежели почти ничего» [6, л. 2].

Конечно, А. И. Казначеев не мог прямо говорить обо всех причинах своего нежелания соглашаться на предложения М. С. Воронцова. Так, в другом послании своему старому военному товарищу, министру внутренних дел А. А. Закревскому (1786–1865) он отмечал: «Как граф, умный человек, мог представить меня без моего согласия, после всего между нами случившегося? Поистине надобно быть слишком или бессовестному или слишком надеянну на мою глупую доброту <...> Приму ли я Таврическое губернаторство, в нем же не [сче]сть числа гадов и беспорядков? Весьма понятно, что меня суют сюда для исправления и молчания о том, что может быть ускорило сумасшествие Нарышкина» [7]. Действительно, столь спешная замена губернатора была вызвана целым рядом причин. Главная из которых – фактическая неспособность выполнения своих обязанностей действующим губернатором Дмитрием Васильевичем Нарышкиным (1792–1831), который приходился троюродным братом М. С. Воронцову [8].

Однако, как ни старался А. И. Казначеев продемонстрировать неприступность, все же ему пришлось смириться с приказом влиятельного начальника и приступить к исполнению обязанностей таврического губернатора. Более того, М. С. Воронцов фактически реализовал свой проект по ликвидации Феодосийского градоначальства в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы, слив полномочия таврического губернатора и феодосийского градоначальника. В истории полуострова опыт подобного сочетания уже имел место – в 1822–1823 гг. эти обязанности одновременно исполнял Николай Иванович Перовский. Однако в 1829 г. произошло упразднение градоначальства, которое просуществовало вплоть до окончания служебных полномочий А. И. Казначеева, т.е. до 1837 г. [9]. Таким образом, А. И. Казначеев являлся последним градоначальником Феодосии [10, с. 100].

Перевод А. И. Казначеева на службу в Крым не сулил ему спокойной жизни: в 1828–1829 гг. имел место очередной русско-турецкий конфликт и через Феодосию осуществлялись стратегические поставки продовольствия и вооружения. О сложностях, сопровождавших первые дни работы в новой должности, А. И. Казначеев написал следующие строки в письме другу С. Т. Аксакову: «Ради бога прости меня, что не на все письма твои отвечал я тебе. Беспрестанные мои разъезды еще не кончились: военные обстоятельства с каждою почтою прибавляют мне хлопот и турят меня из одного конца в другой. Три дня как возвратился я в Феодосию и не знаю, долго ли пробуду на месте» [11].

В первой четверти XIX века городское хозяйство Феодосии находилось в явном упадке. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва) сохранилось письмо А. И. Казначеева генерал-губернатору М. С. Воронцову, датированное маем 1828 г., т.е. фактически временем прибытия его на новое место службы. В нем градоначальник изложил собственное видение проблем города и определил возможные пути их решения. Приведем наиболее красноречивые выдержки из этого послания: «Все что находится в Феодосии и на земле ей принадлежащей, я успел обозреть. Обревизовал карантин, таможду, коммерческий суд, магистрат, думу, полицию, комитеты и все места им подведомственные. В каком состоянии нашел их увидите из моего рапорта. Не оставил без освидетельствования и казначейства, без посещения судов уездного и земского, училища и всех

заведений, в качестве местного хозяина <...> Между тем не поскучайте выслушать то, о чем могу не вдруг входить бумагами и о чем нельзя официально писать: я попал в Феодосию едва ли не в самое бедственное для нее время. Все предместники мои, кроме Броневого и Андрея Васильевича <Богдановского> содействовали к приготовлению ей разрушения. Теперь она без коммерции, почти без купцов (нет ни одного 1-й гильдии), без достаточной воды (молчащие каменные фонтаны стоят как бы надгробия умерших источников), почти без дерев, без доходов, без способов, без благоустройства, в развалинах, в недоимках; завалена старыми нерешенными делами и спорами, опустошена разбродом повсюду многих жителей. <...> Феодосия в упадке, но есть средства поднять ее и поднять до нельзя, особенно при таком начальстве, как вы. Смею думать, что я вам помогу в этом – лишь не оставляйте меня в забвении<...>

Новое разграничение градоначальств лишило Феодосию лучшего основания торгового: арбатская стрелка ближе ко мне нежели к Керчи. Если бы она с проливцем тонким отделена была в мое градоначальство, то послужила б надежнейшим сообщением колоний с Феодосийскими торговцами. От Керчи это не отнимает выгод водяных сообщений. Сия мысль занимала многих; но я выдаю ее за свою потому, что она у меня родилась прежде, нежели я узнал о подобных предположениях чужих<...>» [12, л. 3–6].

Также в своем письме А. И. Казначеев описал состояние наиболее важных в хозяйственном и административном отношении городских объектов. «Новая наша пристань будет очень недурна; <...> Карантин бы хорош; да чумного квартала нет <...> Казармы, как обыкновенно все инженерные строения, снаружи – палаты! А внутри хуже хаты. Четыре каменные фонтана в казарменной ограде – мертвы. Жалость! Кабы их воскресить!

В городском училище обрадован я был более всего тем, что дети разных сословий и наций, довольно хорошо знают правила русского языка, основания чистой математики и препорядочно изучены читать и писать по турецки и гречески. Лучших учеников причислил я с директором к себе обедать и это им чрезвычайно понравилось. Вода у нас кой где появляется, пробивается сквозь землю. Я надеюсь открыть некоторые фонтаны по рассмотрении запутанного о них дела.

О заведении городского сада буду просить вашего разрешения скоро. <...> Церковь у нас одна и то пребежная. Священник также один престарелый без Дьякона. Я представляю о прибавлении двух священников с Дьяконом<...> Предполагаемая церковь молчит в развалинах. Хочу составить складку на устройство иконостаса в существующей единственной церкви нашей и кажется успею.

С первую почтою отправляю к вам, благодетельнейший Граф, представление о возвращении мне таможенного штата и экстраординарной суммы – окажите ваше мощное настояние: таможни почти половину дел моих составляют» [12, л. 3–6]. Сложно найти более емкие слова, чтобы описать то состояние, в котором находился провинциальный город. Мы видим, что А. И. Казначеев в первые же дни своего пребывания в Феодосии постарался вникнуть в суть главных проблем города и приступил к их немедленному решению.

Градоначальник понимал, что одним из важнейших условий повышения благосостояния города являлась поддержка со стороны центральной администрации. Для этого необходимо было убедить М. С. Воронцова в том, что Феодосийский порт обладал преимуществами, которых были лишены иные гавани, а, следовательно, финансовые вложения в его развитие обязательно принесут выгоды в будущем. Однако это была крайне сложная задача, так как основную ставку в отношении развития торговли генерал-губернатор делал на Керчь. В подтверждение этого можно привести слова самого А. И. Казначеева, изложенные в его послании выдающемуся государственному деятелю Дмитрию Гавриловичу Бибикову (1792–1870): «Мы с Графом Вор[онцовы]м имели жаркий спор о Керченском и Феодосийском портах. Первому он давал все преимущества, а с сею почтою пишет мне, что по случаю замерзания порта Одесского и Керченского, все продовольствие к армии обращается в Феодосию. Нельзя было не улыбнуться. Государю внушено, что Феодосия не стоит таможи, довольно заставы. Я человек русской, мне все равно: Керчь, Феодосия, Рязань, Владимир, – стало быть нет у меня другого намерения защищать Феодосию, кроме того, чтобы выставить истину или по крайней мере высказать, что я почитаю за правду. Дайте пролиться дождю на землю, вы увидите по промоинам, где нужно устроить стоки воды. Дождитесь коммерции и мы увидим, где будет более прилива торговли» [13].

А. И. Казначеев использовал широкий арсенал убеждения. В течение нескольких лет он обращался как к самому генерал-губернатору, так и к столичным чиновникам с просьбой обратить внимание на выгоднейший в коммерческом отношении порт Крымского полуострова. Так, он писал другу С. Т. Аксакову: «Теперь хлопочу о возобновлении древнего направления торговли через Феодосию, когда жившие там Генуэзцы, владели экспортною торговлею. Открытие мыса Доброй надежды и победы турков в Крыму переместили это направление. Почему же нам не воспользоваться нашими победами. Путь на мыс Надежды ненадежен, долог и труден; а от Феодосии до Анатолии 14 часов езды во всякое время; порт Феодосийский никогда не замерзает. Стало быть тут учредить складку товаров и транзит – вот о чем уже и представил» [14]. Однако добиться желаемого градоначальнику не было суждено. Идея организации в Феодосии транзитного порта («транзитной складки») для международной торговли хотя в итоге и была поддержана М. С. Воронцовым, однако так и осталась без должного внимания петербургских чиновников.

Однако это не остановило А. И. Казначеева в его работе на благо Феодосии. Уже в первый год своего пребывания в городе он приступил к созданию городского сада, а в 1832 г. писал М. С. Воронцову «В Феодосии развели мы городской сад и хорошо и скоро» [12, л. 98]. В этом же году Феодосия была включена в созданную по инициативе А. И. Казначеева сеть транспортного внутрикрымского сообщения [12, л. 104 об]. С июля между Евпаторией и Керчью курсировали дилижансы, которые связывали крупнейшие города восточного и западного побережья полуострова [15].

Всеми силами стремясь добиться экономической самостоятельности Феодосии, А. И. Казначеев оказывал поддержку местным и иностранным купцам, ремесленникам. Он обращал внимание на нетрадиционные для города отрасли хозяйства. Так в

одном из посланий генерал-губернатору в 11 декабря 1833 г. он замечал: «голландец Вей пишет мне из Феодосии, что феодосийские сельди столь превосходного качества, что такие в самой Голландии считаются за редкость и вывоз оных запрещен. Я из городской суммы велел назначить до 400 рублей на посуду и содержание Вей с Гехтом, дабы воспользоваться искусством его. Из бедняков назначаю для обучения трех человек» [12, л. 159]. Однако не во всем градоначальнику сопутствовала удача. Организовать поставки сельди из Феодосии так и не удалось в связи с тем, что, вопреки ожиданиям, косяки рыбы не зашли в феодосийскую гавань в 1834 г. Это дало повод М.С. Воронцову в очередной раз упрекнуть А. И. Казначеева в его симпатии к Феодосии и нежелании использовать преимущества Керчи, в том числе и в вопросе рыбной ловли [12, л. 178–179].

Управлять Таврической губернией вообще и Феодосией в частности А. И. Казначееву пришлось в крайне сложное время. В 1828–1829 гг. – русско-турецкая война, в 1830 г. – «бабий бунт» в Севастополе, в 1830 г. – эпидемия холеры, в 1833 г. – неурожай и угроза голода. В этих условиях администратору часто приходилось принимать решения в крайне сжатые сроки, ситуация не допускала промедления. Иногда последствия решений носили неоднозначный характер и потому А. И. Казначеев подвергался критике современников. Так, в своих воспоминаниях известных знатоков античности, археолог Н. Н. Мурзакевич (1806–1883) записал, что градоначальник нанес невосполнимый урон историческим достопримечательностям Феодосии. В частности он писал: «Ее [Феодосию] всегда и все разрушали: боспорцы, татары, турки, русские войска, комендатны и градоначальники!... Последний из них Казначеев, во время голода, бывшего в Крыму в 1833–1834 гг., как таврический губернатор, представил князю Воронцову, чтобы сломать стоявшую на площади старинную, великолепную турецкую баню (чудесная мечеть уже давно исчезла) с целью дать неимущим заработок, а из камня мечети и бани построить городской собор. Разумеется, представление местного ближайшего начальника было разрешено и здание разрушено. Но ни собора ни явилось, ни камня не оказалось» [16, с. 56–57].

Конечно, с позиции сохранения культурного наследия действиям А. И. Казначеева нет оправдания. Однако нам стоит представить те обстоятельства, в которых принималось решение о начале работ по разборке древней бани в Феодосии. Так в письме М. С. Воронцову, датированном 14 декабря 1833 г. таврический губернатор писал, что продовольственная ситуация в городе и прилегающих территориях угрожающая: «Браните меня, казните меня, лишь помогите нам Ваше Сиятельство. Феодосийскому уезду привезено было всякого рода хлеба 2800 четвертей, которые все розданы и даже проклятый овес, столько неудовольствий причинивший; но сего весьма недостаточно: один Керченский полуостров требует до 5/т четвертей. Феодосия ни одним зерном еще не воспользовалась, бедных много<...>» [12, л. 162]. Керчь и Феодосия в этих условиях стали пристанищем для жителей всех прилегающих селений, ищущих пропитания. Они праздно ходили по улицам в надежде на пожертвования и бесплатные раздачи хлеба. Понимая опасность ситуации, А. И. Казначеев обратился к организации общественных работ. Он выступил с предложением задействовать нуждающихся в работах по разборке руин древних мечети и бани, а также обозначил предложение начать в Феодосии строительство православ-

ного собора. «Разрешение ломать Феодосийскую мечеть и ровнять площадь оживит бедняков, которые толпами приходят в Феодосию» [12, л. 164]. Однако, как это часто бывает, завершив разбор исторических объектов, А. И. Казначеев сначала не мог получить разрешения на строительство нового храма, а затем работы были свернуты в виду отсутствия денежных средств. В течение года камни находились под охраной полиции, а с 1835 г. началась их выдача на казенные строительные нужды [17]. Тем не менее, главная цель проекта – занятость населения в период продовольственного кризиса, была достигнута.

Занимая пост таврического губернатора, А. И. Казначеев продолжал покровительствовать Феодосии. В этом смысле показателен его конфликт с генералом Николаем Николаевичем Муравьевым (1794–1866). В начале июля 1833 г. русский флот, следовавший из Египта, вошел в феодосийский порт. Для приема войск на берегу был организован необходимый в таких случаях лагерь, окруженный карантинным оцеплением. Однако, высадившись, военное начальство осталось крайне недовольным условиями, в которых вынуждено было проживать. Н. Н. Муравьев в мемуарах красноречиво изложил свое видение ситуации, которое, в общем, сводилось к критике личных качеств феодосийского градоначальника. А. И. Казначеев же по-своему расценил ситуацию: «Военное начальство вступило в карантин таким образом, как обыкновенно вступают проезжие офицеры в почтовые станции: лошадей! Поворачивайся! Толчки и бранностные слова, сыплются на писаря, между тем как все готово, и не стоило хлопотать так неприятно. В этом случае, известный умом своим и отличными достоинствами Ген. Муравьев удивил меня; впрочем это произошло от ошибки: он полагал, что ему как старшему, должен быть подчинен карантин и все; я его самым дружественным образом разуверил в сем – и все пошло как по маслу» [12, л. 141–142]. В целом необходимо понимать, что высадка армии в Феодосии осуществлялась в период, когда губерния страдала от нехватки продовольствия. Официальные документы свидетельствуют, что губернатор прилагал максимум усилий к тому, чтобы сделать быт солдат максимально комфортным. Принципиальность им была проявлена лишь в вопросе о соблюдении карантинных мер. Наученный опытом предыдущих десятилетий, когда прибывавшие с заграничного театра боевых действий войска приносили в Крым чуму и иные болезни, градоначальник со всей строгостью и ответственностью подошел к делу. Но эта принципиальность, как оказалось, стоила ему места службы. О своей причастности к увольнению А. И. Казначеева Н. Н. Муравьев, открыто написал в своих «Записках...» [18, с. 500–503]. Это же подтверждают и слова таврического губернатора: «к нам из Петербурга дошли вести, будто это произошло от корпусного Муравьева, который торопливо приехал в столицу по делам службы и будто между прочим жаловался на притеснение войск» [12, л. 260].

Александр Иванович Казначеев был не просто чиновником, строго исполнявшим волю руководства. Его отличали душевные качества, высоко ценимые многими современниками. Именно они подвигли Александра Ивановича на шаг, прочно связавший его имя с миром искусства и культуры. В период службы в Феодосии А. И. Казначеев выступил покровителем будущего выдающегося крымского художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1900). История их



знакомства получила освещение в многочисленных биографических публикациях, посвященных личности художника и его дружбе с А. И. Казначеевым [19]. Авторы по-разному описывают то, как именно состоялось знакомство А. И. Казначеева с молодым талантом. Однако итог совершенно ясен: феодосийский градоначальник, по сути, принял бедного мальчика в свою семью, помог ему получить образование в Симферопольской гимназии, а затем при покровительстве вдовы бывшего таврического губернатора Натальи Федоровны Нарышкиной (1797–1866) продолжить обучение в Академии художеств. Важно, что в лице Айвазовского Казначеев получил не только благодарного ученика, но и преемника в деле благоустройства Феодосии. Спустя десятилетия после первого знакомства уже бывший градоначальник Феодосии гордился знакомством с художником мировой величины. И. К. Айвазовский отвечал ему взаимностью [20]. А. И. Казначеев на протяжении всей жизни следил за творчеством мариниста и даже выступал ярким защитником его таланта [21].

Сам градоначальник довольно сдержанно относился к своим заслугам перед городом. Он понимал, что в иных условиях мог бы сделать значительно больше, но и эти достижения сделали его имя одним из самых почитаемых в Феодосии. Так о своих последних днях службы в должности таврического губернатора и феодосийского градоначальника он написал в письме М. С. Воронцову: «Меня сего дня посетили феодосийцы: они узнав из газет о моей отставке, прислали ко мне нарочных депутатов с письмом и портретами моими в знак благодарности, которой впрочем не почитаю себя заслуживающим, потому что я ничего для Феодосии сделать не мог. Бог знает, за что они так родственно ко мне расположены» [12, л. 259-260]. Это отношение к А. И. Казначееву феодосийцы сохранили на долгие годы. Его плодотворная деятельность по благоустройству города, защита, покровительство над его жителями прочно вошли в историю Феодосии.

#### Список литературы

1. Шарапа В. Ф. Таврический губернатор А. И. Казначеев / В. Ф. Шарапа, А. А. Непомнящий // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 226–229.
2. Афанасьев А. К. Алушка 1830-х гг. в письмах А. И. Казначеева М. С. Воронцову / А. К. Афанасьев // Воронцовский дворец : Образ и время: сб. докладов / сост. Г. Г. Филатова. – Симферополь: Н. Орианда, 2009. – С. 22–24; Его же. Частные письма таврического губернатора А. И. Казначеева М. С. Воронцову. 1828–1837 гг.: Из собрания ОПИ ГИМ / А. К. Афанасьев // Воронцовский сборник. – Одесса, 2009. – Вып. 2. – С. 4–11.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. 49, оп. 1, д. 5644, л. 1–100.
4. Аксаков С. Т. Собрание сочинений : в 5 т. – М.: Правда, 1966. – Т. 2. – 500 с.
5. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды: В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России 8 апреля 1783–1883 / А. Г. Завадовский. – Симферополь, 1885. – Вып. 1 : Сборник. – 324 с.
6. Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук, ф. 36, оп. 2, д. 450, 2 л.
7. Из сборников П. И. Щукина // Русский архив. – 1900. – № 6. – С. 197–199.
8. Агламонов С. П. Отечественная война 1812 года : Исторические материалы Лейб-гвардии Семеновского полка / С. П. Агламонов. – Полтава, 1812. – С. 144–147.
9. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 6065, л. 3–4.
10. Гейман В. Из Феодосийской старины: Архивные справки / В. Гейман // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1916. – № 53. – С. 96–110.

11. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 10, оп. 3, д. 61, л. 14-14об.
12. Государственный Исторический музей (отдел письменных источников), ф. 60, оп. 3, д. 2514, 261 л.
13. Щукинский сборник.– М., 1906.– Вып. 5.– С. 207–208.
14. Институт русской литературы и искусства, ф. 93, оп. 3, д. 550, л. 1–2об.
15. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 7218, л. 1–12.
16. Из записок М. Н. Мурзакевича про стан пам'яток кримського півострова // Историко-культурна спадщина України (XIX ст. – поч. XX ст.): Зб. докум. і матеріалів / Інститут історії України АН України.– К. : Рідний край, 1995.– С. 55–58.
17. ГААРК, ф. 45, оп. 1, д. 2, л. 1–181.
18. Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского, 1833-й год // Русский архив.– 1894.– Кн. 8.– С. 450–536.
19. Иван Константинович Айвазовский и его ХСЛП-летняя деятельность // Русская старина. – 1878.– № 4. – С. 649-674; Вагнер Л. Повесть о художнике Айвазовском / Л. Вагнер, Н. Григорович.– Сухуми: Абгосиздат, 1961.– 252 с.; Гейман В. Иван Константинович Айвазовский: К 100-летию со дня рождения: 18 июля 1817 года – 17 июля 1917 года / В. Гейман // Известия Таврической ученой архивной комиссии.– Симферополь, 1918.– № 55.– С. 192–199.
20. К. З. Обед И. К. Айвазовскому, в одесском клубе 23-го августа / К. З. // Одесский вестник.– 1850.– 2 сент.
21. Российская государственная библиотека (отдел рукописей), ф. 231/III, карт. 5, ед. хр. 46, л. 1–12.

**Бобков В. В. Феодосійський градоначальник Олександр Іванович Казначеев: основні віхи адміністративної діяльності** / В. В. Бобков // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 32–41.

У цій публікації на основі репрезентативного корпусу джерел відтворено фрагмент історичного портрету видатного кримського адміністратора, чиновника А. І. Казначеева, що відноситься до його діяльності на посаді градоначальника Феодосії. Визначено його внесок у благоустрій міста, розвиток міського господарства, системи освіти.

**Ключові слова:** А. І. Казначеев, М. С. Воронцов, градоначальник, Феодосійське градоначальство, таврійський губернатор.

**Bobkov V. V. The town governor of Feodosiya Alexandr Ivanovich Kaznachev: the basic steps of administrative activity** / V. V. Bobkov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 32–41.

The given work in historical retrospective introduces the fragment of historical portrayal of the prominent Crimean official and head of the town Kaznachev A. I. and also highlights his major activity on the post of Feodosian governor. Furthermore, his contribution to the welfare of the town in the field of municipal economy and education are described in the particular work.

**Key words:** Kaznachev A. I., Vorontsov M.S., the town governor, Feodosiya governing, the taurian governor.

*Поступила в редакцію 01.10.2010 г.*